

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

Журн. «Советская Этнография», 1947 г., № 2

стр. 67-94

Л. А. ДИНЦЕС

ДОХРИСТИАНСКИЕ ХРАМЫ РУСИ В СВЕТЕ ПАМЯТНИКОВ НАРОДНОГО ИСКУССТВА

I

«Летописи молчат о существовании храмов и жрецов у наших восточных славян,— писал С. Соловьев.— Нельзя предположить, что, если бы храмы существовали, то летописцы умолчали бы об их разрушении или превращении в церкви при рассказе о введении христианства и низпровержении идолов»¹. Действительно по Начальной летописи местом идолослужения представляется на первый взгляд лишь холм с поставленными на нем кумирами. Выражения летописца (Лаврентьевская летопись), что, совершая жертвоприношения, идолопоклонники «скверняху землю требами своими и сквернися кровьюи земля Руска и холм тот», если не считать их риторическими, также как будто подтверждают, что требы эти совершались на голой земле под открытым небом.

Однако в «Похвале князю русскому Володимеру», составленной около 1070 г. Иаковом Мнихом (список XVI в.), рассказывается, что равноапостольный князь, приняв крещение, «разруши храмы идольския со лженменными боги» и далее: «храмы идольския и требища всюду раскопа и посече и идолы съкруши»². Точно также, по Новгородскому летописцу, архиепископ Аким Корсунянин, пришедши в 991 г. в Новгород, «требища разруши и Перуна посече»; о капищах в Ростовской и Суздальской землях, которые уничтожал ученик Феодосия Печерского Исайя Чудотворец, упоминает Патерик Печерский: «обхождаше же и прочия грады и веси во области Ростовстей и Суздальстей... и аше где обреташе идолы и капища, разоряше их и огню предаваше». О капищах, поставленных в Киеве, говорил «муж благ и книжен» митрополит Иларион в «Слове о законе и благодати», наиболее достоверном и ярком по выразительности памятнике нашей древней письменности первой половины XI в. «И уже не капишь сограждаем, но христовы церкви виждем». — «Капища разрушишася и церкви поставляются, идолы сокрушаются, и иконы святых являхуся».

Таким образом, по приведенным ранним известиям капища и требища являются, наряду с храмами, сооружениями, которые воздвига-

¹ С. Соловьев, *Начальная Русь*, т. I, М., 1871, стр. 66.

лись, а с введением христианства были разрушены, посечены, раскопаны, преданы огню.

О храме упоминает также написанная в конце XII в. исландским монахом Оддом Снорассоном и переведенная затем с латинского оригинала на исландский язык сага об Олафе Трюгвасоне, который был воспитан в Гардарике конунгом Вальдамаром, тогда еще язычником. Олаф, говорится в саге, «всегда ездил с конунгом к святилищу, но никогда не входил в него, а стоял за дверьми, когда конунг приносил жертвы богам»³. «Вероятно,— заметил Н. М. Гальковский по поводу этого текста, — что это здание было весьма примитивным и напоминало большой сарай»⁴.

Итак, мы встречаемся с тремя терминами, обозначающими языческие культовые сооружения: храм, капище и требище.

Митрополит Иларион противопоставляет сограждению капищ сооружение церквей, наряду с противопоставлением идолов святым иконам. Из этого можно заключить, что под капищами он разумел какие-то постройки. Точно также капища, по Печерскому Патерику, как мы видели, не являются идолами, которые упоминаются отдельно в числе объектов, уничтоженных Исайей.

Но имеются иные, более расширенные толкования слова «капище». Следуя Срезневскому, Иловайский и Фаминцын считали капище русским словом, производя его от корня «коп», «копоть», что указывает на курение и дым, которые распространялись от сжигаемых жертв. Отсюда толкование ими капища как жертвенника, истукана, идола⁵. По мнению Айналова, слово «капище» служило синонимом языческого храма, но обозначало также стоявший в храме алтарь, равно как идола⁶. Е. Голубинский и Леже, сближавшие «капъ» с «кипь», что на некоторых славянских наречиях обозначает узвяние, также считали капища идолами⁷. Гальковский же и требища и капища одинаково толковал как жертвенники и вообще как места жертвоприношений⁸.

Такое многообразие понимания слова «капище» было вызвано, как показал И. Срезневский, тем, что кроме архитектурного содержания термина наши переводчики греческой церковной литературы (Временника Георгия Амартола XIII—XIV вв., Второзакония по списку XIV в. и др.) передавали словом капище и такие понятия, как жертвенник, алтарь, статуя, идол, изображение⁹. Повидимому, основное содержание слова было распространено затем на понятия, ему сопутствующие.

³ Thede Palm, *Wendische Kultstätten*, Lund, 1937, S. 147; Русский историч. сборн., т. IV, кн. I, М., 1840, стр. 45—47; Е. Голубинский, *История русской церкви*, т. I, М., 1901, стр. 128, 255—256.

⁴ Н. М. Гальковский, *Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси*, т. I, Харьков, 1916, стр. 5.

⁵ Д. И. Иловайский, *История России*, т. I, М., 1876, стр. 299; А. С. Фаминцын, *Указ. соч.*, стр. 38. О слове «капище», которое, как и слово «кумир», относится к древнейшим формам славяно-болгарского языка, см. Н. С. Державин, *История Болгарии*, I, М.—Л., 1945, стр. 177, прим. 2.

⁶ Д. В. Айналов, *Летопись о начальной поре русского искусства*, Отч. СПб. ун-та, 1903 г., СПб., 1904, стр. 15.

⁷ Е. Голубинский, *Указ. соч.*, т. I, стр. 231. Леже, *Славянская мифология* (перевод), Воронеж, 1908, стр. 34.

⁸ Н. М. Гальковский, *Указ. соч.*, т. I, стр. 9. Совсем по-иному толковал капище Е. В. Аничков. Сближая древнерусский языческий культ с культом урфо-финнов, у которых будто было в обычае скрывать своих идолов в потайных местах, в частности в пещерах, и утверждая путем весьма натянутых построений, что местность, где была основана Киево-Печерская лавра, первоначально являлась древним языческим святилищем со священной рощей и идолом на вершине холма и пещерах внизу, Аничков под всем таким комплексом и разумел капище («Язычество и древняя Русь», СПб., 1914, стр. 323—324, 351—357).

⁹ И. И. Срезневский, *Материалы для словаря древнерусского языка*, т. I, СПб., 1893, стр. 1192—1195.

Что же первоначально значило слово «капище»? Ответ на этот вопрос следует искать в наиболее ранних и непосредственных, непере-водных памятниках нашей письменности, вроде Начальной летописи, сведения которой по мере приближения к XI в. делаются все более точными и достоверными¹⁰, и «Слова» Иларiona.

Рассказ Начальной летописи о том, как Владимир, возвращаясь из Корсуня в Киев, вместе с иконами, крестами и богослужебными книгами «взя же ида медяне две капища и 4 кони медяны (т. е. римскую квадригу.— Л. Д.) иже и ныне стоят за святою Богородицею»¹¹, ясно говорит, что в этом случае речь идет не о храмах, доставить которые с берегов Черного моря было бы мудрено, и не о статуях, которые, по предположению Д. В. Айналова и его ученика К. В. Шероцкого, как и квадрига, были установлены на площади¹². Для антропоморфных статуй у летописца есть два неизменных термина: «кумир» и «идол». Кроме того непонятно, почему летописец, неоднократно выражавший осуждение идолам, не высказал такого, рассказывая о привозе Владимиром, полным решимости искоренить в своей земле язычество, статуй языческих богинь, «эллинская» сущность которых ревнителям древнего православия была хорошо ведома¹³.

Присвоение этим привезенным из Корсуня предметам местного архитектурного наименования позволяет предполагать, что под ними разместились бронзовые кивории, под которыми совершалось таинство Евхаристии (но никак не языческие, в частности, античные жертвенники)¹⁴. Очевидно, по сходству с теми простейшими покрытиями над почитаемым объектом, существование которых у восточных славян-язычников допускал еще Фаминный¹⁵, такие привезенные Владимиром на престольные сени и были обозначены местным словом «капище»¹⁶.

Что же касается термина «требище», «иде же потребы творяху князь и людие», то под ним следует, видимо, разуметь не жертвенник, как полагали некоторые, имеющий специальное название «требник», но всю огражденную площадь, на которой совершались моления и которая включала священную рощу, идолы, жертвенники и другие культовые сооружения, подобно тому, как старорусское «дворище» (например, Ярославово в Новгороде) обозначало комплекс строений, садов, огородов и пр.

Но почему, при наличии в дохристианской Руси культовых сооружений, наша Начальная летопись о них не упоминает? Обычно это объясняется намеренным умолчанием летописца, который, будучи носителем нового вероучения и стремясь укрепить его в сознании паствы, воздерживался, поелику возможно, от упоминания бесовских су-

¹⁰ А. С. Орлов, Древняя русская литература, М.—Л., 1945, стр. 81.

¹¹ ПСРЛ, I, 1846, стр. 50.

¹² Д. В. Айналов, Искусство Киевской Руси, Русская история, под ред. Довнар-Запольского, т. I, стр. 496—497; К. В. Шероцкий, Киев, Киев, 1917, стр. 98.

¹³ В окружном послании константинопольского патриарха Фотия сообщение о крещении Руси формулируется так: «Россы... в настоящее время променяли эллинское и нечестивое учение... на чистую и неподдельную веру христианскую». В Летописи по Никоновскому списку сказано: «Иде же беша Еллинская капища, тамо ныне божественныя церкви».

¹⁴ В Радзивилловской летописи имеется миниатюра (л. 62, об.), изображающая крещение св. Владимира и дающая, по мнению Айналова, наиболее чистый пример использования начальной иконографии. Владимир сидит внутри большой купели, над которой возвышается киворий. Другина Владимира принимает крещение в такой же купели (Д. Айналов, О некоторых сервизных миниатюрах Радзивилловской летописи, Очерки и заметки по истории древнерусского искусства, СПб., 1908, стр. 44).

¹⁵ А. С. Фаминный, Указ. соч., стр. 38.

¹⁶ Слово «кивор» — киворий встречается в древнерусской литературе сравнительно поздно. «Посредоу (церкви) баше яко кивор вознесено зело на высоту» (Житие преп. Порфирия из Минен по сл. XV в.) — И. Срезневский, Указ. соч., т. I, стр. 1207.

ществ, а тем паче от описаний их святилищ. Следует также иметь в виду, что, говоря даже о христианских храмах, летописец часто ограничивался лишь приведением имени святого патрона («сташа под святым Кириллом», разумея Кирилловский монастырь, «ссупишася на месте, иде же стоит св. София», т. е. храм св. Софии, и т. п.). Тем паче в отношении языческих храмов летописец мог применять тот же оборот речи и ограничиваться лишь именем кумира, вроде известного места об Игсе, который «приде на холм, где стоаше Перун».

Существует еще одно объяснение. Как указал Д. В. Айналов, в представлении нашего летописца, склонного к широким историческим обобщениям, русское язычество являлось ветвью кумиропочитания всех народов. История этого кумиропочитания была им пространно изложена (в так называемом «Исповедании веры») устами греческого философа, ознакомившего Владимира с сущностью ветхозаветной и новозаветной истории. Здесь рассказывается и о начале кумиропочитания после столпотворения Вавилонского при Серухе, и о сожжении кумирницы Фары Авраамом, который «зажже идолы в хранине», и о том, как привиделось ему «подобие идола, яко подобие древодельско... и требник прямо ему и отроцы, закалаемы на нем в лице идолу» и т. д. Раз приведя подробности языческого ритуала, летописец, естественно, в других местах их опускал¹⁷. Надо, однако, учесть, что «Исповедание веры» представляет последующую вставку в начальный текст летописи¹⁸. Поэтому последнее объяснение должно быть принято с некоторой оговоркой.

Но все же, исходя из всего сказанного, в неупоминании летописью языческих храмов не следует усматривать отрицания ею их существования в дохристианской Руси.

Совершенно немыслимым является отсутствие у восточных славян архитектурно оформленных местопребываний богов при наличии у них от Волыни до Прионежья сравнительно сложных дохристианских погребальных сооружений — деревянных камер, иногда точно воспроизводящих жилища живых, вплоть до двускатной крыши (у дреговичей и частью у волянян), и снабженных необходимыми предметами обихода для загробной жизни¹⁹. Вспомним о сохранявшемся еще в прошлом веке народном обычае помещать чествуемый объект земледельческого празднества в закрытое помещение. Так, в великорусских губерниях в Семик, праздник окончания пахоты и посева, крестьяне одевали срубленную березку в женское платье и после общественного пира переносили ее в одну из изб, где она оставалась «гостейкою». В Воронежском крае на берегу озера Горохова соломенную или деревянную куклу в Троицу наряжали в праздничное платье и ставили в убранный цветами и зеленью шалаш. «Около шалаша собирались тамошние жители, принося с собой отборную пищу и питье; в хороводе исли и пля-

¹⁷ Д. В. Айналов, Летопись о начальной поре русского искусства, стр. 5—13.

¹⁸ Е. Голубинский, Указ. соч., стр. 138, 786.

¹⁹ Е. Н. Мельник, Раскопки в земле лучан, Тр. XI Археологич. съезда 1899 г., т. I, М., 1901, стр. 485—486, 505—511; Археологич. исследования в РСФСР 1934—1936 гг., М.—Л., 1941, стр. 13—14; см. также работы М. К. Каргера в Кратких сообщениях ИИМК, № I, стр. 10, № 5, стр. 80.

Описывая подобного рода карельские погребения XI—XIII вв. в Видлицком районе Олонецкого края, В. И. Равдоникас писал: «сооружение срубов связывает, мне кажется, их с позднейшими христианскими погребениями в Карелии. На старых и даже современных карельских кладбищах можно наблюдать, что этот обычай очень долго и упорно держался у карел. Семейные могилы на таких кладбищах устраивались в виде впущенных в землю срубов до конца XIX века. Подобные захоронения в срубах позднее переходят в обычай окружать могилы одним-двумя венцами из бревен уже только на поверхности земли» (В. И. Равдоникас, Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и юго-восточном Приладожье, Изв. ГАИМК, вып. 94, стр. 5).

сали вокруг этого шалаша, который представлял род капища»,— говорит описание 1838 г.²⁰

II

О храмах прибалтийских славян мы имеем сведения, более точные, нежели о восточнославянских. Саксон Грамматик, автор конца XII в., свидетельствуя которого об Арконе, как показано будет далее, подтвердились раскопками, так описывает кореницкий храм Руевита: «Город Кореница... знаменит прекрасными зданиями трех славных храмов. Главное капище находилось посреди передней части храма, которая, так же, как и капище, не имея стен, завешана была пурпуровую тканью, так что кровля лежала на одних столбах. Когда сорваны были оба покрова, то дубовый идол Руевита безобразно раскрылся со всех сторон»²¹.

Как видно, святилище, в котором помещался идол, представляло, по свидетельству Саксона Грамматика, открытое сооружение, т. е. сень, покоящуюся на столбах, которая правильно была передана Срезневским термином «капище». При этом Саксон Грамматик счел нужным особо оговорить, что передняя часть храма (очевидно, входная), подобно капищу, не имела стен и была также завешана тканями.

Тот же автор дает описание храма, закрытого со всех сторон стенами: «Город Аркона²²,— пишет он,— расположен на вершине некоего высокого мыса. С востока, юга и севера он защищен природными, а не рукотворными укреплениями — утесами, которые поднимаются как стены;... под ними море... С запада же он замыкается высоким валом в 50 локтей, внутренность нижней части которого была земляная, верхняя же содержала дерево, подслоенное глиной... Посреди гордища — площадка, и на ней виднелся храм из дерева, искуснейшей работы, почитаемый, впрочем, не только по великолепию культа, но и по помещенному здесь кумиру божества. Внешне здание сплошь было кругом украшено изображениями различного рода предметов (фигур), исполненных грубым и неисккусным способом. Только один вход вел в него (храм). Самое же святилище ограждала двойная изгородь, из которых внешняя, состоявшая из стен, была крыта багряной кровлей, внутренняя же, из четырех столбов, отделялась от остальной части храма вместо стен ниспадающими завесами, ничем кроме кровли и редко переплета балок со стенами не соединяясь. Внутри храма находился огромный кумир, своими размерами далеко превосходящий всякого человека и вызывавший удивление своими четырьмя головами и столькими же лицами. Одежда (кумира) доходила до берцев... Ноги видны были на уровне земли, поскольку основание для них было скрыто под полом... Когда идол был перерублен у лядвей, то упал на ближнюю стену»²³. Приказано было ее разобрать для извлечения идола из храма. Достоверность сделанного Грамматиком описания была подтверждена раскопками К. Шухгардта в августе — сентябре 1921 г. (рис. 1).

Арконский храм был сооружен из дерева на каменном фундаменте, представлявшем в плане правильный квадрат, наружная сторона которого равнялась 21,5 м, а внутренняя — 17,5 м. Обнаружены были следы глиняного наката с отпечатками деревянных частей и ветвей, а так-

²⁰ Л. А. Диницес, Русская глиняная игрушка, М.—Л., 1936, стр. 28.

²¹ И. Срезневский, Исследования о языческом богослужении древних славян, СПб., 1848, стр. 41—42.

²² Город Аркона лежал на высоком скалистом мысе острова Рюгена. Перед ориентированным на восток храмом находилась культовая площадка. Далее на запад располагались строения, ограниченные валом, имеющим ворота.

²³ Перевод с подлинника уточнен при любезной помощи М. А. Тихоновой

же обмазки. В середине храма были открыты сложенные на камне прямоугольные базы для четырех столбов, симметрично отстоящие от стен на расстоянии около 5 м. Между этими столбами, ближе к восточной их паре, был обнаружен глубокий (в 1 м 10 см) котлован, в который было врыто основание идола, для крепости обложенное камнями. Ширина фундаментов стен доходила до 2 м, базы для столбов имели в длину 1,75 м, а в ширину — от 0,75 до 1,05 м²⁴. Перед нами остатки капища, где помещался идол, т. е. открытого четырехстолпного сооружения (что давало возможность лицезреть четырехголового бога со всех сторон), завешивавшегося тканями, и храма, посреди которого это капище и было воздвигнуто.

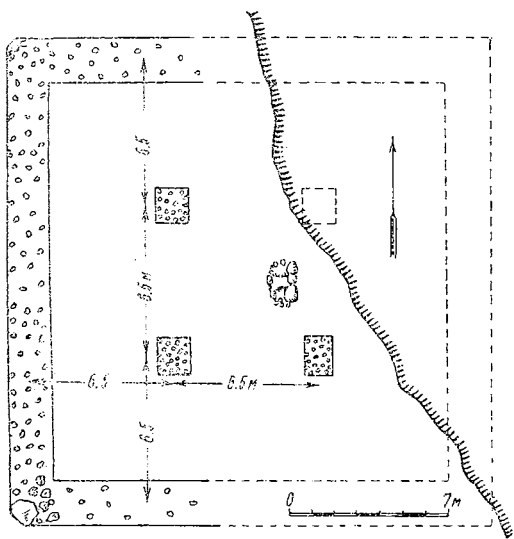

Рис. 1. План храма в Арконе (по Шухгардту)

Как были сложены наружные стены храма: из бревен, поставленных стоймя, т. е. приемом, характерным для скандинавской и отчасти западной деревянной архитектуры, или из

горизонтальных бревен, как это принято на Руси?

В те времена славянам едва ли был известен способ сращивания бревен при помощи врубки «замком», и поэтому при постройке горизонтальными венцами сруб в длину и ширину не мог превышать максимальной протяженности бревна в 6—8 м. Храм в Арконе имел в длину и ширину более 20 м и не был перегорожен. Последнее исключало возможность составления его из нескольких клеток. Можно, правда, предположить, что для укрепления стен, сложенных из горизонтальных бревен, в местах их стыка были устроены какие-то контрфорсы. Но ни описание Саксона Грамматика, ни раскрытые фундаменты этого не подтверждают. Поэтому представляется более вероятным, что храм в Арконе был срублен из вертикально поставленных бревен, не ограничивавших размеров сооружения. Такой способ стройки обычно применялся и применяется поныне при устройстве тыща и ограды. Не этим ли объясняется обозначение Саксоном Грамматиком стен храма в Арконе как «двойной изгороди», причем внешняя состояла из стен, покрытых багряной кровлей, а внутренняя из 4 столбов с ниспадающими завесами вместо стен?

Но постройка из вертикально поставленных бревен имеет крупный дефект. В отличие от равномерного оседания горизонтальных венцов, все теснее и теснее наседающих один на другой, вертикально поставленные бревна при усыхании деформируются, расходятся, неравномерно опускаются на землю, что приводит не только к деформации входов и окон, но грозит разрушением стен. Это, видимо, и вынудило строителей храма в Арконе подстлать каменный фундамент, вовсе, однако, не столь

²⁴ Carl Schuchhardt, Arcona — Retra — Vineta, Berlin, 1926; W. Petsch, G. Martin, Wail und Tor der Tempelfeste Arcona, Praehist. Zeitschrift, XXII, 1930, SS. 237—264; J. Strzигowski, Altslawische Kunst, Augsburg, 1929, S. 38.

капитальными, рассчитанными на стены, должны выдержать чуть ли не распор куполов, как полагает Н. И. Брунов²⁵. Фундаменты храма в Арконе, как отметил производивший раскопки Шухгардт, обладали некоторой массивностью лишь в западной, особенно в юго-западной части в сторону понижения покатога от моря мыса, а в восточной представляли легкую подкладку²⁶.

Исходя из сообщенного Саксоном Грамматиком эпизода с падением подрубленного при разрушении Арконского храма в 1168 г. идола на ближнюю к нему восточную стену, в которой, он, очевидно, проломив ее, застрял, можно полагать, что высота Святовиды была не менее 9—10 м (исчисляя ее, как гипотенузу при одном из катетов в 7—7,5 м). А это обстоятельство, помимо естественной тенденции придать храму величественность, требовало значительной его высоты, во всяком случае над капищем. Это могло быть достигнуто с помощью дополнительной верхней клетки, возможно, составленной из венцов, либо облегченной конструкции (наблюдаемой в языческих гробницах на Вольни) из так называемых «впущенных» тесаных досок, узкие края которых как бы впускались в желобки угловых стоек²⁷. В последнем случае верхняя клеть должна была быть меньшей, нежели нижняя, т. е. башнеобразной, и покоиться на четырех срединных столбах храма. Но о башне Арконского храма Саксон Грамматик не говорит ни слова и, повидимому, верхняя клеть была в плане не квадратной, а прямоугольной, т. е. лежала своими узкими сторонами на восточной и западной стенах нижнего помещения и также была срублена из вертикально поставленных бревен или теса. Покоящиеся на каменных фундаментах массивные столбы посреди храма, кроме своей культовой функции как колонок капища, были конструктивно необходимы в качестве опоры для отмеченного Саксоном редкого переплета балок, поддерживающих верхнюю клеть.

Каким рисуется покрытие храма в Арконе?

При продолговатой верхней клетки оно должно было быть двускатным, двуступенчатым, крытым тесом (лемех вошел в употребление в связи с появлением крыш с граненой или кривой поверхностью). В этом случае своим внешним обликом храм в Арконе должен был несколько напоминать базилику. Не лишено интереса, что, как сообщает Саксон Грамматик, после того, как даны сожгли языческий храм, они на его месте из дерева, заготовленного для осадных сооружений, воздвигли настоящую христианскую базилику.

Предполагать более сложное завершение, например куполом, в духе фантастического описания Мясуди, автором X в., какого-то славянского храма²⁸, конечно, не приходится. Ни о каком сложном покрытии славянских святилищ Саксон, точно подмечавший их особенности, не пишет.

Попытки сблизить деревянную конструкцию храма в Арконе с конструкцией каменных четырехстолпных купольных храмов огнепоклонников, мессопотамских церквей VI в., мечети в Хазаре (Бухара), малоазиатских храмов типа Улады X—XII вв. и т. п.²⁹ представляются столь же неубедительными, как и домыслы тех, кто, считая храм в Арконе явлением в общеславянском зодчестве единичным, видит в нем про-

²⁵ Н. И. Брунов, К вопросу об истоках русского зодчества, «Известия АН ССОР», 1944, № 6.

²⁶ Carl Schuchhardt, Op. cit., S. 20. Подобные остатки легких фундаментов из известняковых плит и крупных валунов были обнаружены в слое Старой Ладоги XIII—XIV вв. (В. И. Равдоникас, Старая Ладога, Краткие сообщения ИИМК, XI, М.—Л., 1945, стр. 38).

²⁷ Е. Н. Мельяник, Указ. соч., стр. 509.

²⁸ И. Срезневский, Исследования о языческом богослужении древних славян, стр. 37—38, 49.

²⁹ Н. И. Брунов, Указ. соч., стр. 46—58.

дукт влияния то ли «галльских», то ли древнегерманских храмов, характер которых сам по себе еще мало выяснен³⁰. Дальнейшее покажет, что черты, свойственные храму в Арконе, присущи культовой архитектуре восточных славян. А это дает право считать их разившимися в славянской среде, а никак не заимствованными.

На территории древней Руси следы языческого сооружения были обнаружены на глубине 2,9—3,2 м в Киеве, в усадьбе Петровского, соседящей с Десятинной церковью, т. е. в северо-западном углу древнего города (рис. 2). Речь идет о раскопках В. В. Хвойки летом 1908 г.

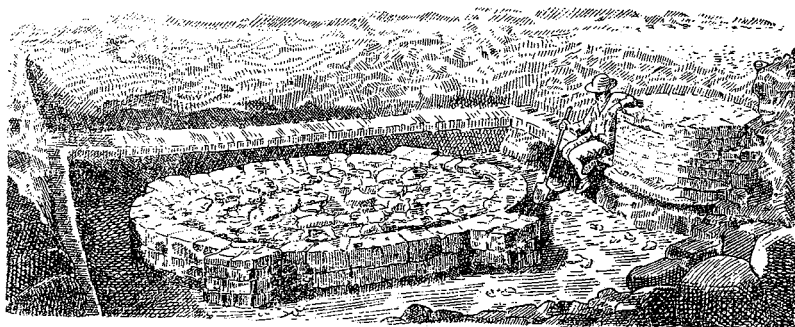

Рис. 2. Остатки культового сооружения в Киеве (по В. Хвойке)

обративших на себя внимание участников XIV Археологического съезда, которые, как свидетельствует К. В. Болсуновский, на обратном пути из Чернигова ознакомились с раскопками и единогласно признали раскрытые фундаменты остатками языческого капища, забытого и засыпанного после принятия христианства³¹. К сожалению, раскопки эти были описаны их автором весьма бегло, не охарактеризованы определяющими находками (хотя бы обломками керамики) и не документированы фотографическими снимками, а представлены настолько приукрашенной зарисовкой, что все это не позволяет судить об открытом киевском памятнике с тою уверенностью, как об арконском.

Согласно сообщению В. В. Хвойки, из следов различных построек, открытых на усадьбе Петровского, «повидимому, самыми древними являются остатки каменного фундамента какого-то загадочного сооружения. Фундамент этот состоял из различных по величине камней серого песчаника, принимавших иногда причудливые очертания, а иногда имевших сквозные отверстия.

Камни были сложены на глине, образуя эллиптическую фигуру (4,2 м в длину и 3,5 в ширину), имевшую с четырех сторон по одному четырехугольному выступу (0,7—0,8 м в длину), которые были обращены по сторонам света. Вокруг сооружения находился местами хорошо уцелевший пол, вылепленный из толстого слоя беловатой глины с

³⁰ Т. Palm, Op. cit., S. 150—153; К. Шухгардт, отмечая своеобразие храма в Арконе, полагал, что влияние Запада здесь полностью исключено. Происхождение культуры балтийских славян, по его мнению, коренится на Юго-Востоке. Далее, приведу мнение Спржиговского о том, что купольные храмы Армении явились прототипом для православных храмов Восточной Европы («Die Baukunst der Armenien und Europa», 1918), Шухгардт предостерег, однако, от поспешных выводов в этом направлении в отношении дохристианских храмов (С. Schuchhardt, Arcona — Retza — Viteba, SS. 22—23).

³¹ К. В. Болсуновский, Жертвенник Гермеса-Святовиды, Киев, 1909, стр. 5—6.

тщательно сглаженной поверхностью. С западной стороны этого фундамента был обнаружен массивный столб, в котором слои сильно обожженной глины чередовались с прослойками золы и угля. Вокруг него находилось большое число костей и черепов животных, главным образом домашних.

Совокупность всех данных, добытых при раскопках этого фундамента, позволяет отнести время постройки бывшего здесь сооружения к языческому периоду и указывает на ритуальный характер его. Весьма вероятно, что остатки эти принадлежат славянскому языческому капищу, а столб представляет собой жертвенник, на котором в течение продолжительного времени совершались жертвоприношения, на что указывают многочисленные кости животных и слои глины, чередующиеся с прослойками золы и угля. Последнее можно объяснить тем, что временами жертвенник выравнивался и на него накладывался новый слой глины, почему в конце концов и образовался высокий массивный столб»³².

При всех сделанных нами оговорках по поводу неполноценности публикаций раскопок следует признать, что в описании открытого Хвойкой памятника не имеется ничего такого, что могло бы показаться неожиданным и сомнительным. Во всяком случае, решительного недоверия это пока единственное культовое сооружение дохристианского периода, обладающее вполне выраженными архитектурными формами³³, в литературе не встретило. Проверочные раскопки Молчановского 1945 г. ничего опровергающего свидетельства Хвойки не дали.

Обнаружена ровная площадка с местами сохранившимся глиняным полом³⁴. Следов стен, ограждавших площадку, не найдено. На площадке, видимо, посередине, из камней было выложено основание, округленно-овальной формы, характерной для солярной символики. На основании из камней, одни из которых, по наблюдению Хвойки, имели сквозные отверстия (не для закрепления ли вертикальных стоек?), стоял, повидимому, кумир. Четыре каменных выступа, отходящие от овала, служили, по нашему мнению, как и в Арконском святилище, фундаментами массивных столбов, которые поддерживали сень над божеством. Вполне правдоподобно также наличие в западной стороне жертвенника, поставленного перед идолом на расстоянии, допускающем разведение сильного огня.

Нидерле затруднялся решить, был ли киевский памятник настоящим храмом, либо святилищем под открытым небом с жертвенником³⁵. Более вероятным является второе. Того же мнения придерживается и Пальм, в отличие от Брунова, считающего его фундаментами каменного языческого храма³⁶. Найденные здесь обгорелые бревна позволяют предполагать то ли ограду, то ли деревянные стены. Но при масштабах капища и жертвенника храм должен был быть огромным. Открытый Хвойкой в Киеве памятник был, вероятнее всего, требищем с требником перед капищем.

Не лишено значения то обстоятельство, что это требище было рас-

³² В. В. Хвойка, Древние обитатели Среднего Приднепровья, Киев, 1913, стр. 66.

³³ М. Артамонов, Обзор археологических источников эпохи возникновения феодализма в Восточной Европе, «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1935, № 9—10, стр. 276.

³⁴ Глиняные налеты в древнеславянских поселениях — явление нередкое. См., например, раскопки Н. Н. Чернягина на территории поковского кремля («Сов. археология», № 4, стр. 327—328).

³⁵ L. Niederle, Manuel de l'antiquité slave, 1—2, Paris, 1923—1926, p. 155.

³⁶ T. Palm, Op. cit., S. 143—144.

положено на территории довладимировоа кремля (относящегося, как показали археологические исследования, к VIII—IX вв.)³⁷, на мысу, обращенном так же, как и в Арконе, на восток. Топографически оно не совпадало с холмом «вне двора теремного», на котором Владимир Святославович воздвиг святилище для общенародного почитания³⁸. Не намеренно ли новый общегосударственный пантеон богов был установлен в значительном (на юго-восток) отдалении от более древнего капища дружинно-княжеского бога (не Перуна ли, перед которым князья Олег, Игорь и Святослав)³⁹?

Киевское трещище значительно старше святилища в Арконе, от которого остались лишь незначительные следы его первоначального вида, предшествующего храму, открытому Шухгардтом (т. е. до разрушения его данами в 1136 г.). Эти следы датируются найденными только в котловане под идолом обломками среднеславянской керамики. Между тем обломки позднеславянской керамики XII в. обнаружены по всей территории городища⁴⁰. Не было ли первоначально святилище в Арконе, подобно киевскому, только капищем, разрушенным в 1136 г., которое после восстановления вошло в ансамбль новопостроенного храма? Это, конечно, только предположение.

III

Сохранились ли в нашем народном зодчестве намеченные нами формы языческих культовых сооружений? Да, сохранились, но, конечно, в модификации, продиктованной требованиями христианского ритуала. К ним в первую очередь следует отнести деревянные придорожные сеи над большим крестом, «святым» колодцем или другим объектом почитания. М. Красовский причисляет такие сооружения к часовням, не отличая их от часовен-храмиков, зачастую также придорожных, в которых совершаются не только молебны, но и служатся часы⁴¹. Поэтому, в отличие от закрытых часовен, интересующие нас сооружения в виде перекрытий над почитаемым объектом мы условно назовем «открытыми часовнями». О связи этих закрытых и открытых придорожных часовен с языческим культом говорят, например, такие факты: в землях древнего Новгорода, особенно Деревской, в честь Параскевы-Пятницы, льяницы-трепальщицы, покровительницы пряденя и ткачества, заступившей языческую Мокошь, ставились часовни на распустьях, часто называемых поэтому пятницами⁴²; пермяки в Ильин день приносили в часовни Илье-Громовику жареные козьи и бараньи головы с горохом и служили молебны, прося защиты скоту и

³⁷ М. К. Каргер, Раскопки древнего Киева, журн. «Наука и жизнь», 1940, № 2, стр. 38—39; см. также план места раскопок В. В. Хвойки в усадьбе Петровском (Д. И. Багалей, Русская история, т. I, стр. 504, рис. 175).

³⁸ К. В. Шероцкий, Указ. соч., стр. 97—98.

³⁹ Представляется заманчивым наметить преимущество восточно-славянского капища от культовых сооружений Старшего Каширского городища (IV в. до н. э.) в виде обмазанных глиной бревенчатых прямоугольных помостов с жертвеником посередине и лежащими на четырех столбах перекрытием (В. Городцов, Старше Каширское городище, Изв. ГАИМК, № 85, 1934, стр. 16 и сл.). Но неясности в реконструкции этих сооружений и полутарасячяный период, отделяющий их от славянских капищ, заставляют воздержаться от этого.

⁴⁰ С. Schuchhardt, Arcona — Retra — Vineta, S. 22.

⁴¹ «Часовня, часовенка — молитвенный дом, храмик без алтаря, где можно только служить часы (не литургию); отдельное маленькое строение или пристрой с иконой и лампадой. Часовни этого рода ставятся в виде памятника или на распустьях, на рожниках или над престолом бывшей церкви» (В. Даль, Толковый словарь, IV, М., 1935, стр. 602).

⁴² А. Ефремов, Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. I. Народный месяцеслов. СПб., 1901, стр. 42, 274—275, 502, 511

овцам; в день Марии Голендухи в часовню также приносили жареных кур и индеек, испрашивая покровительства домашней птице⁴³.

Открытые часовни представляют помосты на подклети в три-четыре венца, связанных в углах врубками без остатка («вклапу») с врубленными в подклеть четырехугольными в сечении столбами, поддерживающими перекрытие. Иногда помост обнесен закрепленным в нижней части столбов сквозным ограждением, обычно в косую решетку. Под такой открытой со всех сторон сенью, на вырост в землю стойке устанавливается большой крест или столб с иконой и, зачастую, подвешенной тканью, а в прошлом, возможно, — резная статуя святого.

Эти открытые часовни, развившиеся из языческих капищ, но испытавшие, повидимому, и воздействие совершенных форм каменных кивориев, вроде «святого шатра» на восьми колоннах, поставленного в 1165 г. князем Андреем вне собора⁴⁴, в народных, деревянных формах сохранились в стройках XVIII в. (например, часовне в с. Данилове). Последние, подобно боголюбовскому «святому шатру», имеют площадку на «восьмерике» и, соответственно ему, восьмигранный шатер. Ф. Горностаев и И. Грабарь полагали, что восьмигранный колпак возник у нас как передача в дереве форм каменных христианских храмов⁴⁵.

На плане Тихвинского монастыря 1676 г., составитель которого правдиво передал жилые, вроде клетских изб, и церковные постройки (например, соборные храмы), наряду с восьмигранными шатровыми, мы находим и более простую, квадратную в плане открытую часовню на подклети в три венца с двускатной крышей, без потолка и с крестом, верхний конёк которого упирался в охлупень (рис. 3—5)⁴⁶.

Также производными от дохристианских, еще более примитивных культовых сооружений являются так называемые «надмогильнички», сохранившиеся в Кемском и Холмогорском районах Архангельской области, Олонецком и Новгородском краях и Рязанской Мещере, где некогда проживали вятичи. Это — крепко врытые в землю, гладкие, зачастую затейливо обработанные столбы, сверху которых укреплялись кресты, иконы, киотцы или доски с вырезанными на них христианскими изображениями, текстами, именами усопших и датами. Поверх их непосредственно насаживалась двускатная тесовая крышка, пологая, либо крутая, украшенная иногда подзором (рис. 6—9)⁴⁷. По существу такие надмогильнички являются как бы открытыми часовнями в зародыше, состоящими из почитаемого объекта на столбе и кровли над ним, но без поддерживающих сень стоек на подклети.

Н. Фрейман справедливо полагал, что происхождение надмогильничков следует вести из тех древнеславянских погребений на столбах, следы которых были наблюдаемы Завитневичем при обследовании курганов Припетского Полесья (Сенского могильника, а особенно могиль-

⁴³ А. С. Фаминицын, Указ. соч., стр. 55; ср. в послании архиепископа Макария: «жертву приношаху кровную бесом, волы и овцы и всяк скот и птицы».

⁴⁴ Н. Н. Воронин, Памятники Владимиро-Суздальского зодчества XI—XIII вв., М.—Л., 1945, стр. 41, рис. 20. В этой работе автор, между прочим, пишет: «Шатровые кивории применялись и раньше в русском зодчестве в качестве надпрестольной сени внутри алтаря. Явно подобной легкой постройки на воздух был смелым опытом в условиях сурового русского климата». По нашему мнению, установка кивория вне храма не была новшеством, так как имела местную языческую традицию сооружения капищ под открытым небом.

⁴⁵ Ф. Горностаев и И. Грабарь, Деревянное зодчество русского Севера, История русского искусства, под ред. И. Грабаря, т. I, стр. 348.

⁴⁶ М. Красовский, Курс истории русской архитектуры, ч. I, стр. 49, рис. 60—62, стр. 129—130.

⁴⁷ Там же, стр. 127; А. Бобрянский, Народные русские деревянные изделия, М., 1911, стр. 17, табл. ЛП/1, 3—12; В. Равдоникас, Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и юго-восточном Приладожье, стр. 5—6.

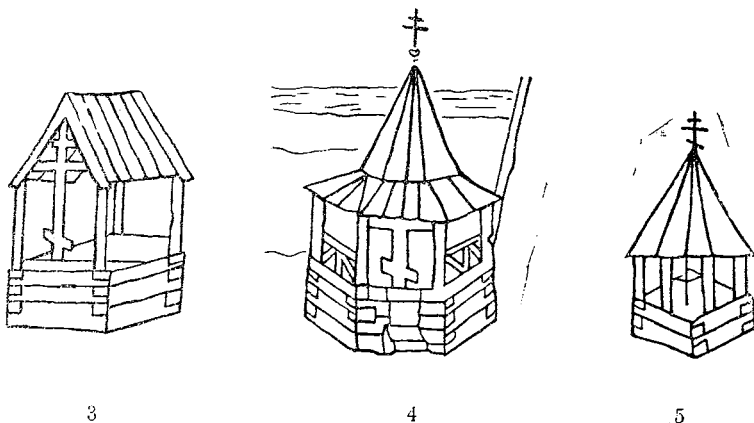

Рис. 3—5. Открытые часовни (по плану Тихвинского монастыря 1676 г.)

ника в Горках под Котловницами)⁴⁸. Как рассказывает Лаврентьевская летопись, вятичи, радимичи и северяне, справивши над покойником тризну и предавши его сожжению, «събравше кости, взложашу в су-

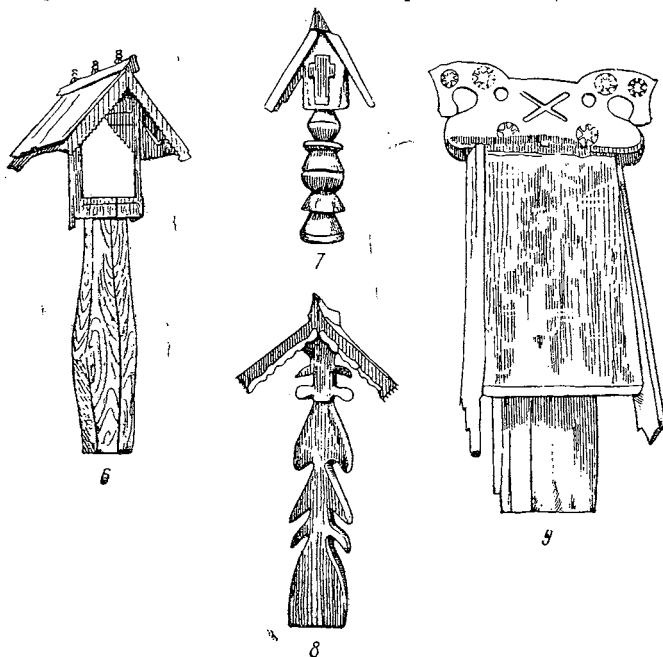

Рис. 6—9. Надмогильнички (по Бобринскому).

дну малу и поставляху на стълпе на путъех, еже творят вятичи и ныле», из чего можно заключить, что этот обычай был еще в силе в XI—XII вв. От этих наземных захоронений, помещаемых на столбах наверху, либо в грубо вырубленных нишах, развились, по мнению Фреймана, более сложные с двускатной крышкой над горшком⁴⁹. Эти

⁴⁸ Завитневич, Вторая археологическая экскурсия в Припятьское Полесье, Чтения Истор. об-ва Нестора Летописца, кн. 6, Киев, 1892, стр. 11—22.

⁴⁹ Н. Фрейман, Придорожная часовня — пережиток погребения на столбах на путях. «Сов. этнография», 1936, № 3, стр. 86—92.

открытые сооружения, играющие роль охранительной силы для путника и для всего селения, могли, как нам думается, и не иметь погребального назначения, если на столбе устанавливался не прах предка, а его изображение, т. е., если он превращался в столбообразный идол, а характеризованный Ибн-Фадланом как «высокая воткнутая деревяшка», у которой имеется лицо, «похожее на лицо человека...»⁵⁰. Такая фигура, как заметил еще Стасов, часто воспроизводится в нашей народной вышивке⁵¹. В христианское время место сосуда с прахом предка или его резного изображения заняли иконы, кресты и т. п. То ли на этом этапе, то ли раньше усложнилось архитектурное оформление укрытия от непогоды объекта поклонения, принявшее вид миниатюрной часовеньки-капища на столбе или нескольких столбиках⁵². Следы язычества в христианских надмогильничках проступают иногда весьма явственно. Так, приводимый нами надмогильничек из Сумского посада на Кемь снабжен по ребру крышки парными конскими головками с розетками-колесами по крутым шеям и сквозным крестом между ними — символами дохристианского солярного культа (рис. 9).

Простейшим типом закрытых культовых сооружений, происходящих от языческих, являются дома мертвых. В своем генезисе они также уводят в пору почитания умерших родичей, предшествующую обожествлению предков, когда, как говорит Начальная летопись, «были сотворены кумиры во имена мертвых человек, овем бывшим царям, другим, хрэбрым, и волхам, и женам прелюбодейницам».

По Прологу XV в., Ольга заповедала Святославу ее «с землю давно погрестить, а могилы не сути, ни тризн творити, ни бдына деяти». Бдыни — надстройка над могилой, срубец мал. Памятники в виде часовен, как заметил Н. Котляревский, вероятно, представляют собой видоизменение идеи бдыни⁵³. Такие часовни-надгробия сохранились в Карелии и в Архангельской области, где они называются «гробницами», и на Смоленщине («домовины» в Дрогобуше). Идея этих надгробий, замечает М. Красовский, «могла зародиться еще в глубокой древности на почве языческих верований в необходимость пристанища для души покойника, в которое его родственники приносили пищу и питье». Это — небольшие прямоугольные клетки, рубленые «в лапу» или «с сдатком» и с двускатными крышами, коньки которых увенчаны луковичными главками и крестами. В такой «гробнице» устроена дверь, иногда небольшие окна. Внутри по стенам размещались полки для икон и крестов и лавка для сидения⁵⁴. Заметим, что в малых шетинских храмах, согласно житию св. Оттона Бамбергского, помещались скамьи кругом стен, потому что «сюда сходились в известные дни пировать и рассуждать о важных делах», т. е. свершать общественные трапезы⁵⁵. О скамьях упоминает и наша обрядная святочная песня, описывающая обряд заклания козла на коляду.

⁵⁰ «Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу», М.—Л., 1939, стр. 79.

⁵¹ К. Стасов, Собр. сочинений, СПб., т. I, стр. 210.

⁵² В. И. Равдоникас (Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и юго-восточном Приладожье, стр. 6) считает, что «карельские кладбищенские кресты с двускатными крышами являются, по всей вероятности, лишь вырождавшимися схематизированными надмогильными домиками, вероятно, прошедшими через этап надмогильных столбов».

⁵³ Н. А. Котляревский, О погребальных обычаях язычников-славян, М., 1868, стр. 118—120; Н. М. Гальковский, Указ. соч., стр. 74—75.

⁵⁴ М. Красовский, Указ. соч., стр. 124—125.

⁵⁵ И. Срезневский, Исследование о языческом богослужении древних славян, стр. 39.

В лесах огни горят,
Огни горят великие,
Вокруг огней скамьи стоят,
Скамьи стоят дубовые,
На тех скамьях добры молодцы,
Добры молодцы, красны девицы
Поют песни жолнодушки⁵⁶.

Близким гробницам по идее и по форме являются наши северные «срубцы», которые отличаются лишь меньшими размерами. Они представляют собой как бы плотно пригнанный на могильную насыпь футляр в виде модели жилища, сколоченной из теса или срубленной из брусков, под двускатной кровлей с крестом-надмогильничком. Иногда во фронтончике (очелье, челе) прорезалось небольшое квадратное отверстие, очевидно, для выхода души покойника (рис. 10)⁵⁷. В поздней редакции такие «срубцы» приняли форму гроба⁵⁸.

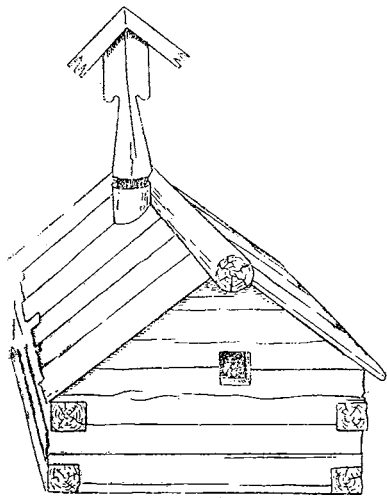

Рис. 10. Срубец (по М. Красовскому)

высокая клеть с верхней более узкой, сливающейся своими короткими сторонами с восточной и западной стенами нижней клетки (рис. 12). И, наконец, еще более сложный тип таких построек дает трехъярусная клетская церковь княжого села Крестцов, Новгородского края (рис. 13). От всех этих зарисованных Мейербергом построек следует, конечно, отбросить прирубленные к основной две меньшие и более низкие клетки —

⁵⁶ А. Фаминцын, Указ. соч., стр. 39.

⁵⁷ М. Красовский, Указ. соч., стр. 127; см. также А. А. Попов, Затуренские крестьяне (Русские на р. Пясине — Таймыре), «Сов. этнография», 1934, стр. 78, рис. 2.

В. И. Равдоникас считает, что «Незначительная высота видничких курганов и близость срубцов с захоронениями к поверхности курганов заставляют предположить возможность надмогильных деревянных сооружений на этих курганах в виде домиков («Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и юго-восточном Приладожье», стр. 5).

⁵⁸ О языческих могилах, «снабженных деревянными гробницами, которые иногда сопровождалась такими же надстройками»-срубцами, упоминает, правда, весьма неясно Мельник, ловившему, приметившая следы наземных обиталищ мертвых во время своего раскопок в земле лучан («Раскопки в земле лучан», стр. 485).

⁵⁹ Близкая этому типу церковь, только с куполком и барабаном-шеей на четырехугольном постаменте, существовала до 1904 г. Это — написанная Левитаном в известной картине «Над вечным покоем» церковка 1748 г. на Плесе на Волге (Ф. Голостаев, И. Грабарь, Деревянное зодчество русского Севера, стр. 341, 352). Подобная же церковушка (Дмитрия Солунского) существовала и в Старой Ладоге возле церкви св. Георгия; она была разобрана и возобновлена, видимо, в прежнем виде в 1901 г. архитектором Н. Ф. Ромашенко.

алтарь и притвор, которые были вызваны требованиями христианского богослужения⁶⁰.

Покрытие этих клетских церквей двускатное обычное, либо двух- или трехступенчатое в разрезе, с обязательными для церкви маковницей или яблоком с крестом на коньке, т. е. в основном такое, которое, по нашему предположению, должен был иметь храм в Арконе. Рубка такого сооружения горизонтальными венцами сильно ограничивала его размеры, которые должны были быть вдвое меньше, нежели в Арконе.

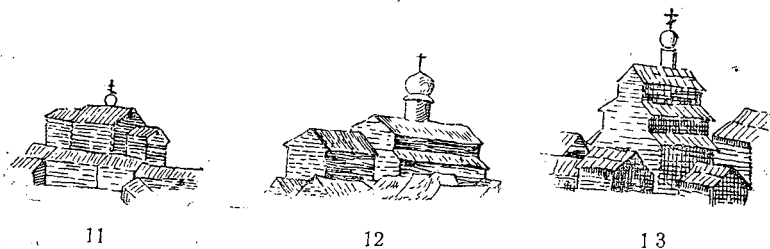

Рис. 11—13. Церковь в с. Спасском; церковь Печорского монастыря; церковь в Крестцах (по Мейербергу)

Но последнее вовсе не подкрепляет высказываний некоторых исследователей (в том числе М. Любавского) о более развитой ступени культуры (в частности языческого ритуала) прибалтийских славян по сравнению с восточными славянами, в силу торгового и военного общения первых с Западом⁶¹. Просуществовавший немногим более тридцати лет знаменитый храм Святовита, которому король данов Свенон принес даже в дар драгоценную чашу, никак не может быть сопоставляем с рядовыми храмами восточных славян. Такие сооружения обладали минимальной вместительностью подобно до сих пор сохранившимся деревенским закрытым часовням и церквушкам в глухих углах Вологодской, Олонецкой и Пермской земель, являющимся лишь местами богослужения, не вмещающими, особенно в большие праздники, всех богомольцев, которые располагаются на церковном дворе⁶².

Кроме того, языческий храм в Арконе был сооружен в XII в., когда на принявшей христианство Киевской Руси уже были воздвигнуты каменные церкви, не уступавшие по великолепию византийским, такие, как Десятинная, Киевская София, Черниговский Спас, Новгородская София и Киевская Лаврская, а также несомненно самобытные русские деревянные церкви, вроде поставленной Иоакимом в 989 г. в Новгороде Софиевской церкви из дуба о 13 верхах.

Легкость и быстрота, с которыми русские плотники тотчас же после принятия христианства стали рубить деревянные церкви, объясняются давними навыками местного языческого храмостроительства, начавшего приспособляться к требованиям христианства еще до Владимира. Напомню о срубленных и сгоревших божницах св. Николы и св. Арины, упоминаемых Летописью под 882 г., о церкви Ильи времени Игоря в Киеве и церкви Преображения в Новгороде⁶³.

Исходя из сказанного, можно считать более чем вероятным существование в языческой Руси культовых сооружений в виде: 1) столбообразных под крышкой, 2) открытых капищ и 3) закрытых храмов,

⁶⁰ Собрание рисунков к путешествию Мейерберга, СПб., 1827, табл. 29/1, 3/2, 18/2; Аделунг, Альбом Мейерберга, СПб., 1903, стр. 9—12, 28, 36, 37; М. Красовский, Указ. соч., стр. 178—179.

⁶¹ А. Фаминцын, Указ. соч., стр. 51—52; М. Любавский, История западных славян, М., 1918, стр. 51—52.

⁶² И. Срезневский, Исследования о языческом богослужении древних славян, стр. 55.

⁶³ Ф. Горностаев, И. Грабарь, Деревянное зодчество русского Севера, стр. 331—332.

имевших в своей основе клеть с двускатной, ступенчатой кровлей, иногда башнеподобной. Развитие последних форм шло, видимо, в сторону наращивания ярусов либо прирубки к основной клетке дополнительных, что издавна имело место в церковном народном зодчестве России и Украины⁶⁴.

Эти народные формы встречали, кстати, весьма неприязненное отношение со стороны церковных властей. Так, при патриархе Никоне духовенство стало запрещать сооружения церквей шатрового типа, находя, что подобные формы не соответствуют церковному чину и допустимы лишь в качестве венчающей части колокольни, но никоим образом самого храма. Запрещение встретило глухое противодействие народных масс, которые отстаивали в отдаленных местностях изначальные формы своих культовых построек.

IV.

Если даже в церковном зодчестве народ сохранил многое от капищ и языческих храмов, то в своей вышивке, почти не подвергавшейся опеке церковных властей, он должен был передать их облик, правда, в еще более завуалированном виде, в силу особого уклона вышивальщиц в сторону декоративной схематизации мотивов, используемых по традиции, но ставших совершенно непонятными по своему значению.

На присутствие в наших северных вышивках изображений языческих святилищ вслед за Стасовым обратил внимание В. А. Городцов. Приведенную вышивку из собрания Гос. Исторического музея (рис. 14) он понимал так: «Богиня представляет храм, внутри которого стоит ее статуя — кумир, а справа и слева находятся всадники, высоко поднимающие длани кверху, выражая жесты адорации; за всадниками стоит по одному дереву».

Едва ли можно согласиться, что храм передает облик богини. Это, — поставленное в священной роще капище, которое вмещает только столпообразный идол с «лицом, похожим на лицо человека», так что адорирующие всадники располагаются вне капища. Прямоугольное в вертикальном сечении обиталище божества естественно совпало со столпообразным его изображением, находящимся внутри. Капище имеет двускатную крышку, которая по коньку увенчана ромбом с излучением в верхней части, повидимому, — знаком солнца.

То, что представленная в вышивке, изготовленной в прошлом веке, культовая сцена иконографически действительно восходит к древне-славянской поре, подтверждается археологическим подлинником с изображением, близким рассмотренному нами (рис. 15). Речь идет о бронзовом «игольнике», обнаруженном в одном из славянских, видимо, крестьянских курганов, раскопанных Ф. Д. Нефедовым в 1895—1896 гг. в Костромском Поволжье. Это небольшая (до 9 см) трубочка с полуовальной дужкой, имеющая вид постройки с двускатной крышкой

⁶⁴ В кратком очерке «История русского искусства» Г. Г. Павлуцкий заметил: «Самый древний и простой тип деревянной церкви — это церковь с двускатной кровлей; церквей этого типа сохранилось на Севере не мало. Они состоят из нескольких четырехугольных срубов: паперты, трапезной с простым плоским потолком, места для молящихся и алтаря многогранной формы... У многих двускатных церквей ребр крыши поднято очень высоко; некоторые полагают, что в этом сказывается скандинавское влияние, но, может быть, эта форма объясняется северным климатом. Многие церкви по своим формам относятся еще к языческим временам и имеют вид настоящего оди на другой шалаша в подражание (?) еловым деревьям. Начало этих построек относится к отдаленному языческому периоду Севера, ко времени борьбы христианских просветителей с кудесниками. Выработался этот тип из зырянских первобытных кумирен, которые с появлением св. Стефана были переделаны в церкви (Прибавление к «Истории искусств» К. Байз, Киев, 1910, стр. 371—372). Господствуя мое мнение об отсутствии у восточных славян языческих храмов заставило исследователя, верно угадавшего древнюю форму славянского языческого храма, произойти от зырян.

и балясиноподобным ушком по коньку; по сторонам домика симметрично поставлены две фигурки коней. П. Н. Третьяков отнес эту находку, датируемую им по комплексу инвентаря погребений второй половиной XII — началом XIII в., не к русским, а к, видимо, финским элементам,

Рис. 14. Севернорусская вышивка (по Городцову). Гос. Истор. музей

Рис. 15. Игольник из костромского кургана (по Анучину)

полагая, что вообще «металлические украшения не были исконными у русских и появились у них лишь в феодальную эпоху, видимо, в связи с развитием ремесла, причем формы украшений были получены от северо-восточных, восточных, а также южных соседей...»⁶⁵. Но следование русскими ремесленниками некоторым типам и формам изделий соседей надо принять с обязательной оговоркой о своей, характерно славянской переработке их без механического копирования заимствованного. И наш игольник является именно русским вариантом изделия, подсказанного финскими образцами.

Входя, как указал Д. Анучин, в категорию религиозно-символических привесок, такие финские «игольники» обычно украшены весьма сложными по форме лопастями-навершиями, представляющими собой прозную бляху, в сплетении которой с большей или меньшей четкостью узнаются срединный антропоморфный и боковые зооморфные мотивы. Подобные привески свойственны курганам Ленинградской области, где был найден экземпляр, в трубочке которого сохранилась игла. Это и позволило Бранденбургу определить такого рода привески как игольники⁶⁶.

Но интересующий нас костромской игольник второй половины XII в., обнаруженный не в финском, а в русском погребении, кардинальным образом отличается по характеру изображения от тератологических изображений на игольниках финского типа. Именно в отличие от зачастую ирреальных форм древнефинского искусства искусство восточных славян тяготеет к реалистическим формам, близким наблюдаемым в действительности. И в игольнике с изображением культового сооружения с предстоящими конями, очень близким изображениям на русских пережиточных вышивках, следует, конечно, видеть исторический подлинник, подтверждающий иконографическую древность изучаемых нами сцен, воспроизведенных мастерицами прошлого века.

На другой вышивке из Исторического музея (рис. 16) капище также

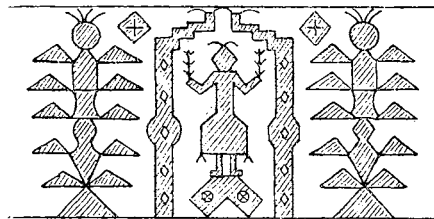

Рис. 16. Севернорусская вышивка (по Городцову). Гос. Истор. музей

⁶⁵ П. Н. Третьяков, Костромские курганы, Изв. ГАИМК, т. X, вып. 6—7, 1931, стр. 14, 17, 18, 21, 22.

⁶⁶ См. Д. Анучин, О культуре костромских курганов и особенно о находимых в них украшениях и религиозных символах. Материалы по археологии восточных губерний, т. III, М., 1899, стр. 244, 249—250.

крыто двускатной кровлей, дробноступенчатой и незавершенной, повидимому, из-за обреза вышивки, но намечающей верхнюю клеть. Внутри находится не столпообразный, как на первом образце, кумир, а фигура женского божества с растениями в поднятых руках, стоящая на возвышении. Справа и слева от капища, как описывает Городцов, «видны два свастических символа, может быть, солнца и луны и два дерева»⁶⁷. По нашему мнению, в последних следует видеть слитые по вертикали крылатые существа — верхнее столпообразное, с дисковидной сверху излучающей главой, и нижнее — с ромбической главой и расширяющейся нижней частью.

Но как бы ни толковать эти частности, капища на обеих вышивках переданы весьма отчетливо.

Интересное изображение капища дает хранящаяся в Гос. Русском музее калужская строчевая вышивка на концах полотенца (рис. 17). Выполнена она в более поздней манере, нежели предыдущие (обшивка контуров цветными нитями), и входит в категорию местной

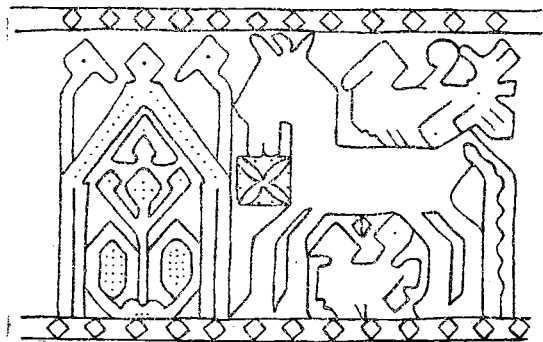

Рис. 17. Калужская вышивка. Гос. Русский музей

среднерусской школы народного шитья. На ней под открытой сенью изображена фигура, являющаяся результатом слияния образа женского божества и священного дерева. По сторонам капища стоят кони и птицы. Кроме отмеченной нами еще на первой вышивке ромбической фигуры, венчающей двускатную крышу капища, на калужской вышивке представлена еще одна деталь — по краям крыши укреплены высокие шести с обращенными к ромбической фигуре птичьими головами⁶⁸.

Однако, может быть, в линейно-графической передаче рассмотренных сооружений следует видеть не открытые сени на столбах, а так называемые «прозрачные домики». Под этим термином обычно разумеют известный в детском рисунке и в искусстве древнего мира и средневековья, вплоть до Джотто (например, в «Явлении ангела Анне» в падуанской *Capella del Agneta*), прием удаления передней стены здания при сохранении крыши и боковых деталей фасада, что открывает находящееся внутри⁶⁹. Но ограниченная площадь изображенного святилища, вмещающего лишь кумир, который при глухих стенах никому не был бы виден, дает право относить его к открытым сооружениям-капищам, поставленным в святилищах Арконы и Кореницы, а возможно, и в Киеве.

Другое дело, изображенные в вышивках обширные святилища;

⁶⁷ В. А. Городцов, *Дажо-сарматские элементы в русском религиозном творчестве*, Труды Гос. Историч. музея, вып. 1, М., 1926, стр. 6—35.

⁶⁸ По облику птичьих головы на калужской вышивке схожи с головой, изображенной на ажурной привеске из Терпилиц (А. Сплицын, *Курганы СПб. губ., МАР*, № 20, стр. 20, табл. VII—19).

⁶⁹ К. Рыччи, *Дети-художники*, М., 1911, стр. 28; К. Соломин, Джотто, Изд. «Грядущий день», стр. 81.

которые вмещают кроме кумира фигуры адорирующих. Здесь, конечно, вышивальщицами был применен прием «прозрачного домика». В такой передаче предстают перед нами в народных вышивках изображения раскрытых (на манер украинских «вертепов») церквей, например, трехсрубной в два этажа с находящимися в ней женскими фигурами на каргопольском полотенце⁷⁰, или церкви с точно воспроизведенным икопостасом на строченом заонежском подзоре⁷¹. Эти вышивки отличаются от более древних по изводу не только христианизированным, а иногда и жанрово-бытовым сюжетом, но и характером рисунка, зачастую многоцветного и отступающего от строго геометрических форм. Типологически наиболее древние вышивки, изображающие языческие храмы, всегда строго геометричны и монохромны.

К таковым и принадлежит опубликованное также Городцовым шитое изображение храма (рис. 18), «наполненное знаками всех светил небесных», с помещенной в нем, согласно его интерпретации, «могущественной фигурой богини с двумя предстоящими всадниками». Останавливает на себе внимание тип божества, которое отличается от общераспространенного женского. Это столпообразный идол с руками, головой и ступнями. Невольно вспоминается описание Саксоном Грамматиком величественного идола Святовидом, подрубленного ниже колен, а также находки на Украине нижних частей каменных истуканов, от которых уцелели pedestals и ступни (например, в Верхней Липице)⁷². Точно также кони со всадниками, помещенные внутри храма, либо по сторонам капища (в первой, приведенной нами вышивке), вызывают в памяти рассказы Дитмара, Саксона Грамматика и составителей житий Оттона Бамбергского об участии в церемониях священных коней, содержащихся при храме под присмотром жрецов, пережитки чего, возможно, сохранились в святочных гаданиях у ярославских и костромских крестьян⁷³.

Изображенный на вышивке храм со «Святовидом» и священными конями представляет прямоугольную в разрезе постройку с двускатной крышей, которой достигает кумир, значительно превышающий коней со всадниками (вспомним высоту идола в Арконе). Верх крыши тут, так же, как на второй вышивке с изображением капища, срезан, очевидно, в виду выхода его за пределы площади, отведенной под вышивку.

Что же касается внешнего вида древних культовых построек закрытого типа, то один простейший тип, как указала Тууни Вахтер, представлен на расшитом двусторонним швом северном полотенце (рис. 19), которое исследовательница считает водьским⁷⁴. Но по всем призна-

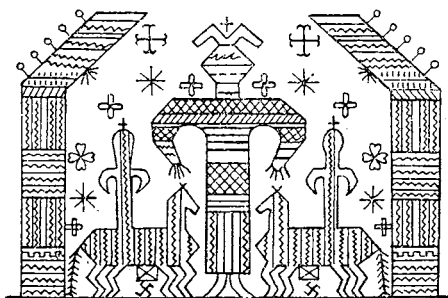

Рис. 18. Севернорусская вышивка (по Городцову). Гос. Истор. музей

⁷⁰ В. Стасов, Русский народный орнамент, СПб., 1872, № 214.

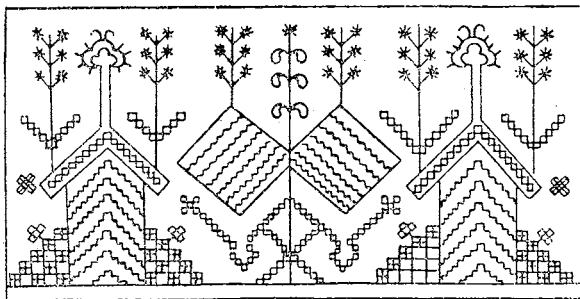
⁷¹ Коллекция Научно-исслед. института культуры Карело-Финской ССР, Петрозаводск.

⁷² М. Макаренко, Скульптура и резьба Киевской Руси перед монгольскими часами; Киевські Збірники, I, Київ, 1930, ст. 49.

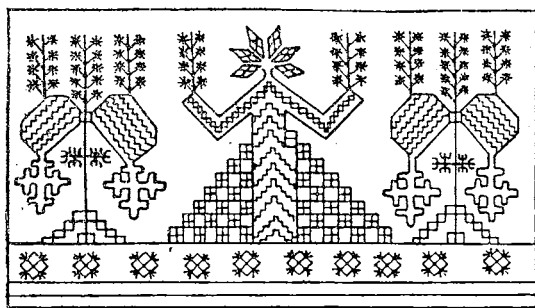
⁷³ И. Срезневский, Исследования о языческом богослужении древних славян, стр. 82—83.

⁷⁴ Tuuni Vahter, Les figures humaines dans la broderie de Carelie et d'ingrie, «Eurasia Septentrionalis antiqua», XII, 1938, p. 212, fig. 21.

кам это полотенце относится к русским образцам, издавна укоренившимся в художественном обиходе финского населения земель Великого Новгорода (веси, карелы, води, ижоры) и входящим в категорию изображений, в которых начальные, вполне конкретные образы сильно орнамент-

19

20

Рис. 19—20. Севернорусские вышивки (по Vahter'y). Хельсинки

тализируются и зачастую представляют результат слияния элементов, происходящих от различных фигур. Перемежающиеся в одной узорной полосе с усложненными изображениями деревьев «храмы» представлены как односрубные, башенного типа постройки с двускатной крышей, увенчанной по коньку крестообразной фигурой в круге с излучением, а по краям — вертикально поставленными ветвями; в основании от башен отходят треугольные откосы. Вполне допустимо видеть в этих откосах нижнюю расширяющуюся половину фигуры женского божества, широко распространенную в нашей северной вышивке, равно как в ветвях по краям крыши — ветви, перенесенные из поднятых рук богини, представленной в таком виде на одной из вышивок вепсов (рис. 20)⁷⁵, т. е. трактовать все изображение как своеобразное слияние архитектурного мотива и женской фигуры.

Но среди сохранившихся в нашем Севере гробниц, о которых речь шла выше, имеются такие, «стены которых, параллельные коньку крыши, делались иногда внизу с откосами, как например у одной гробницы на погосте села Тихвин-Бора, Олонецкого края»⁷⁶. Фасад такого типа гробницы соответствует фасаду постройки, изображенной на водьской вышивке. А если это так, то последнюю следует понимать как недалеко ушедшее от исторической действительности, хотя и сильно схематизированное, изображение расположенных в священной роще башенных од-

⁷⁵ Ibidem, fig. 18.

⁷⁶ М. Красовский, Указ. соч., стр. 124, рис. 148.

носрубных храмов с двускатной крышей, увенчанных солярным знаком в виде креста в излучающем круге. Подобные же башенные сооружения (только без откосов) представлены на многих севернорусских вышивках (рис. 21), в том числе на опубликованной Городцовым, где эти башни

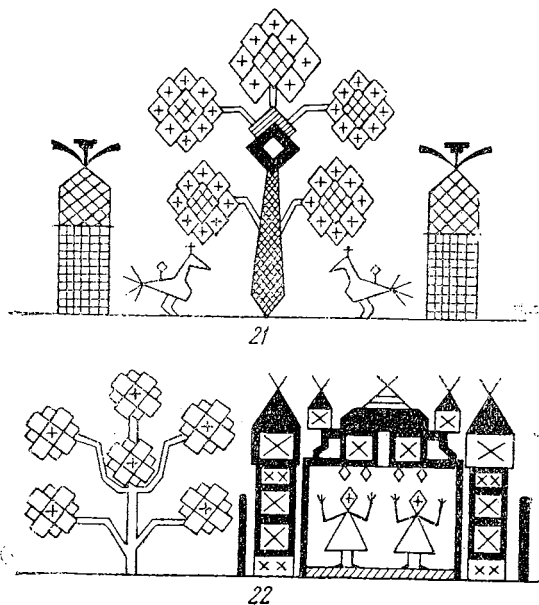

Рис. 21—22. Севернорусские вышивки (по Городцову).
Гос. Истор. музей

фланкируют более сложный по конструкции многоярусный храм, внутри которого помещены две адорирующие фигурки (рис. 22)⁷⁷. Этот многоярусный храм приближается к тому типу многоярусных деревянных церквей, который представлен в зарисовках Мейерберга.

В этом отношении значительный интерес представляет опубликованная Стасовым владимирская вышивка, изображающая церковь и стоящие по сторонам древоподобные фигуры (рис. 23). Вышивка эта является переходной от языческого извода к христианизированному, чему соответствует и техника исполнения ее не древнейшим двусторонним «досольным» швом, а шитьем крестом.

Начнем с фигуры, напоминающей дерево. «Ствол его,— описывает Стасов,— обнесен чем-то вроде башенки, покрытой украшениями в несколько рядов; ветви дерева украшены цветочками»⁷⁸. В действительности же ствол является столбом, в вершине которого укреплен прямоугольник с четко вырисованным на нем фоновым равноконечным крестом и двускатной крышкой; столб этот, совершенно аналогичен нашим северным надмогильникам. Верх крышки увенчан расходящимися изогнутыми полосками, утолщенными в разнообразных концах. Только симметрично отходящая от столбов ветви относятся к признакам дерева. Таким образом вся фигура представляется как слияние священного древа со столбообразным культовым сооружением, повидимому, принявшим вид христианского надмогильничка.

Симбиоз языческого с христианским особенно выступает в изображении церкви. В отношении манеры исполнения эта вышивка входит в категорию так называемых «домиков о двух фасадах», характерных

⁷⁷ В. А. Городцов, Указ. соч., стр. 16.

⁷⁸ В. Стасов, Русский народный орнамент, стр. 12, табл. 40, № 129.

для начала перехода от фронтальной передачи предмета к трехмерной в детском рисунке и искусстве древнего мира вплоть до начала античного. В таких двухфасадных домиках две его стены, в действительно-

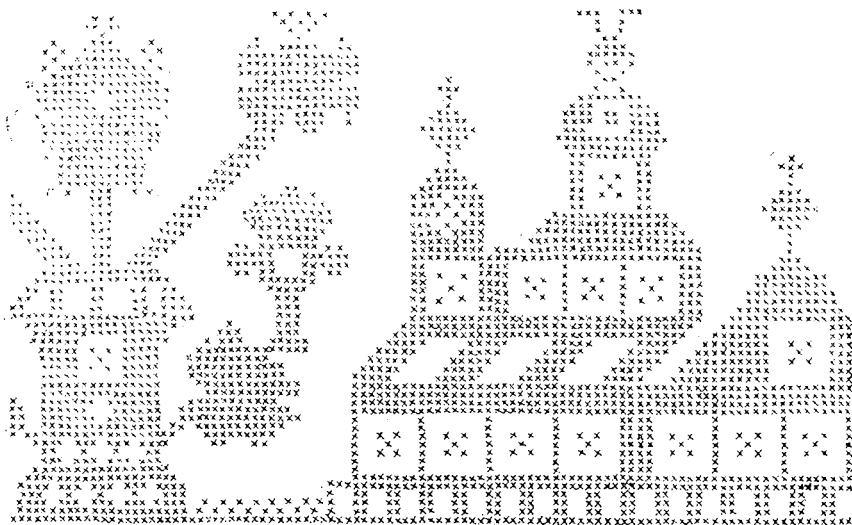

Рис. 23. Владимирская вышивка (по Стасову)

сти стоящие под прямым углом друг к другу, наносятся рядом в одной плоскости, объединяясь единой кровлей, получившейся из ромбического ската и треугольного фронтона-очелья. В такой передаче на владимир-

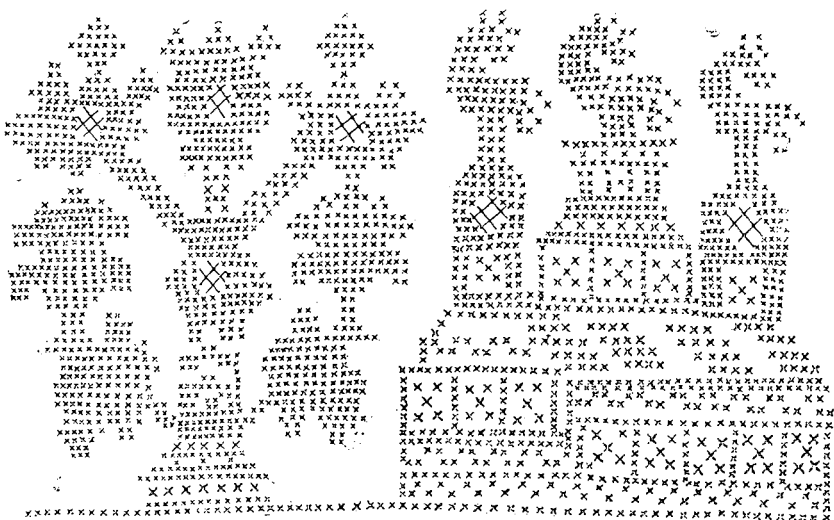

Рис. 24. Новгородская вышивка. Гос. Русский музей

ском полотнце изображена знакомая уже нам по рисункам Мейерберга клетская церковь с верхней, более узкой клетью, в свою очередь увенчанной небольшой башенкой в одном конце и более высокой и обширной (барбаном) с куполом ближе к середине.

Своеобразны навершия. Шпиль очелья и малая башенка увенчаны

крупными ромбами с небольшими крестами, а средняя часть — ромбом-кругом с парными конскими разнообращенными головками, т. е. таким же знаком, которым в более скорописной манере завершена на той же вышивке крышка столба-древа.

Итак, известная нам по подлинным памятникам дохристианской Руси и по пережиточным народным образцам резьбы, литья, вышивки и ткани фигура так называемой конской ладьи, наряду с ромбом, приво-

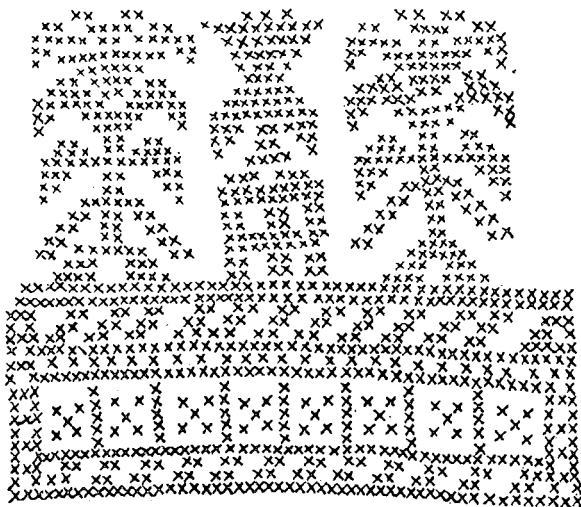

Рис 25. Новгородская вышивка. Гос. Русский музей

дится в вышивке так же, как на надмогильничке Сумского погоста, в качестве символа, венчающего культовое сооружение. На владимирской вышивке эти языческие знаки совмещаются с христианскими. Но на новгородской вышивке, находящейся в собрании Гос. Русского музея и близкой по сюжету к владимирской, эти языческие знаки предстают не совмещенными с христианскими (рис. 24). Три башенки третьего яруса увенчаны четко различимыми фигурами коней с загнутыми головами.

Нельзя оставить без внимания целую серию вышивок крестом, более всего свойственных Новгородскому краю, изображающих клетскую постройку, на двускатной кровле которой установлены деревья и идолы, равные, а иногда даже превосходящие по высоте самую постройку, приобретающую вид пьедестала (рис. 25). Установленные на крыше храма священные деревья возникают из массивного треугольного основания; точно также нижней половине схематичных изображений богинь или богов придается сугубо устойчивый вид.

Трудно сказать, действительно ли на крышах наших дохристианских храмов устанавливались объекты почитания столь крупных размеров, что водружение их требовало каких-то особых архитектурных конструкций, либо (что вероятнее) изображения, подобные приведенному, явились результатом изменения в вышивке архитектурного мотива, навершая которого гипертрофировались, приняв облик обычного ряда объектов почитания — священных деревьев и антропоморфных божеств. Во всяком случае, эта серия вышивок также подтверждает наличие в нашей дохристианской храмовой архитектуре венчающих священных изображений или символов.

В свете всего сказанного становится понятной прежде загадочная архаического типа вышивка на полотенце из Вышневолоцкого района Калининской области⁷⁹ (рис. 26). Стасов понимал изображенное на ней как «здание, вроде буддийского храма с широким куполом и главкой. По краям кровли, покрывающей все здание, две огромные приделки, в виде фонарей. На верху их, а также на верху и средней главки на ходятся орнаменты вроде перьев. По сторонам храма стоит по женской фигуре». Эта вышневолоцкая вышивка, свободная от христиан-

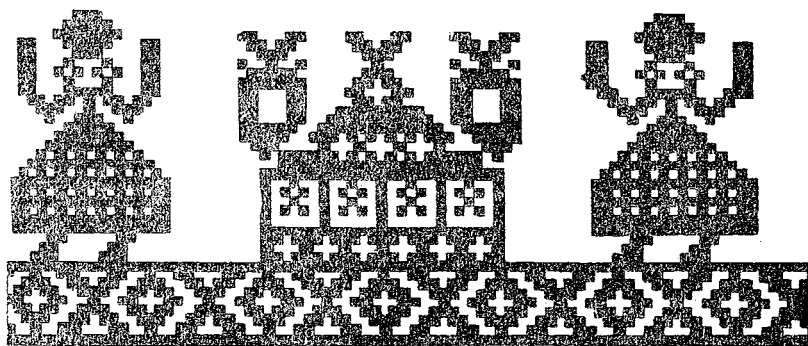

Рис. 26. Вышневолоцкая вышивка (по Стасову)

ских наслоений, передает, правда, в сильно схематизированном, но чистом виде, рядом с изображениями женского божества языческий храм клетского типа с двумя верхними срубцами и венчающей ладьей. Что же касается «приделок в виде фонарей», то они, возможно, представляют фланкирующие башни, также увенчанные ладьями, знакомые нам по севернорусской вышивке с храмом, в котором видны две адорирующие фигурки (рис. 22).

Итак, на вышивках изображаются башни, поставленные изолированно, и башни, объединенные с клетской храмовой постройкой. Для последней категории значительный интерес представляют наблюдаемые мной летом 1946 г. в Закарпатье церкви особого типа. Закарпатская Русь знает три типа деревянных церквей. Первые два при местных особенностях и разнообразии архитектурных деталей входят в общую группу украинского деревянного церковного зодчества. Это — пятибашенные церкви, имеющие в плане равноконечный крест и более всего встречающиеся в Закарпатской Гуцульщине, и трехбашенные церкви, вытянутые с запада на восток, характерные для закарпатских бойков-лышаквов. Общность этих церквей горного населения Закарпатья, сравнительно недавно (два-три века назад) переселившегося сюда из Галиции, с предкарпатскими вполне естественна.

Иной тип деревянных церквей свойственен области Мармароша с ее, повидимому, древнейшим «русским» населением и особенно северо-западной части Закарпатья с населением северномолорусской (северноукраинской) ветви, также издавна здесь проживавшим. Это — небольшие храмики в виде четырехугольной постройки с двускатной крышей, которая из-за опасения и пониженного бабника или открытого на столбах входа приобрела двуступенчатый вид. На ребре крыши помещаются башенки-маковицы, а над бабником поднимается монументальная квадратная в сечении башня, увенчанная шатром или барочной

⁷⁹ В. Стасов, Русский народный орнамент, стр. 12, табл. 38, № 127.

либо готическо-крепостной крышкой (рис. 27). В силу последнего эти церкви часто называются готическими⁸⁰.

Интересная церковь сохранилась в Бардиеве (Пряшевская Русь), где башенная западная часть и клеть-корабль органически не слились, а как бы примыкают друг к другу.

Рис. 27. Деревянная церковь в Черноголове (Закарпатье)

Если отбросить наслоения готики и барокко, то соответствие этих деревянных храмов Закарпатской Руси формам, которые были нами рассмотрены, бросается в глаза.

Остается выяснить назначение изображенного на владимирской вышивке сооружения в основании дерева-столба, которое, в оправдание Стасова, действительно несколько напоминает фигуру расширяющейся вверху и внизу туры. Сравнение этого сооружения с подобными же изображениями на севернорусских вышивках не вызывает никаких сомнений в его назначении. Особенно характерно оно на илоте (рис. 28), где роль этого сооружения как жертвенника-гребника выступает наиболее выразительно из-за возложенной головы быка или козла, заклание которого представлено в упомянутой нами обрядовой песне. На владимирской вышивке изображено священное древо-столб с трепником у его подножия. Вспомним описание Гельмольдом (XII в.) Староградского трепища: «Здесь мы увидели священную

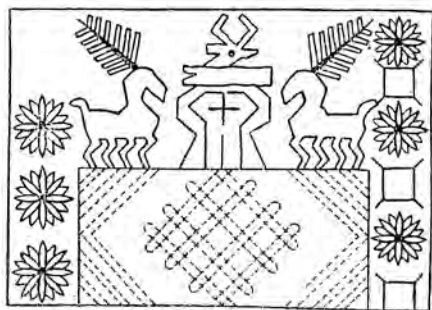

Рис. 28. Севернорусская вышивка. Деталь (по Городцову). Гос. Истор. музей

⁸⁰ С. К. Маковский, Народное искусство Подкарпатской Руси, Прага, 1925, стр. 22; Florian Zapletal, Derevyany chramy podkarpatskich rusinov, «б. Podkarpatska Rus, New York, 1924, стр. 126—130.

рошу древнейших деревьев и среди них священные дубы, посвященные богу той земли Прове. Они окружены были двором и деревянной тщательно отделанной оградой с двумя воротами... Это место было святилищем для всего края, имело своего жреца, свои праздники и разные обряды при жертвоприношениях»⁸¹.

В собрании Гос. Русского музея имеется любопытный образец народного шитья, на котором представлено позднейшее видоизменение этого древнего мотива жертвенника (рис. 29). Это строченый архангельский подзор, в котором отдельные фигуры, расположенные в ряд, оплетены кризольнейными растительными мотивами, стилистически далеко ушедшими от первичных геометрических форм вышивки. На этом подзоре, вышивка которого типологически (по времени сложения, но не по времени ее фактического выполнения) определяется наличием фигуры двуглавого орла допетровского типа, мы находим знакомый нам мотив коня, стоящего перед жертвенником. Но конь здесь обращен в единорога — фигуру, взятую русским декоративным искусством XVII в. из английского герба, а жертвенник — в пьедестал к совершенно непонятному предмету, причем одна из ветвей, осеняющих жертвенник, в сохранившейся нижней части превратилась в рог геральдического зверя.

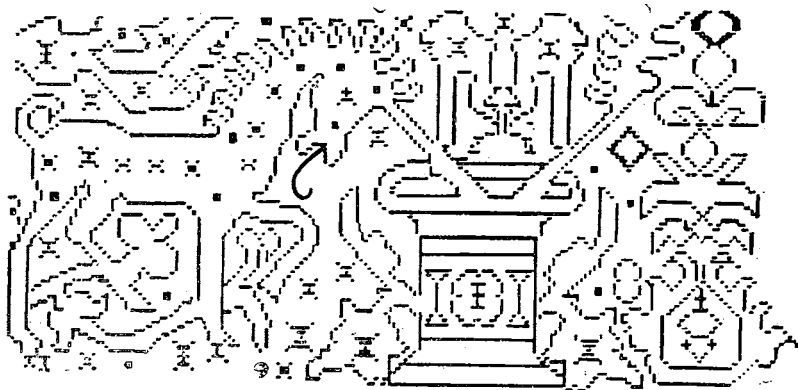

Рис. 29. Архангельская вышивка. Деталь. Гос. Русский музей

Так в позднюю пору семантически видоизменилось древнее культовое изображение, все же, в силу устойчивости древней формы, с трудом взламываемой новым содержанием, сохранившее некоторые его начальные, еще распознаваемые черты.

V.

Западные хронографы упоминают об изображениях на стенах славянских храмов. Об украшении внешних и внутренних стен главной континь-храма в Щетине «выпуклыми, удивительно высеченными изображениями людей, птиц и зверей, так живо сделанными, что они дышали и жили, и окрашенными прочными красками», упоминается в Житиях Оттона Бамбергского. Описывая деревянный храм в земле редарей (Редегосте), Дитмар также отмечает, что «стены его украшают снаружи, дабы смотрящим было видно различные изображения богов и богинь, удивительно сделанные». Наружные стены храма в Арконе, по словам Саксона Грамматика, также были кругом украшены изображениями (судя по тексту, живописными, а не вырезанными).

Были ли подобные украшения стен свойственны восточно-славянским храмам? Прямых свидетельств и археологических подтверждений мы не имеем, если не считать резаных в камне плоских, в манере резьбы по

⁸¹ А. Фаминцын, Указ. соч., стр. 22.

дереву, рельефов на четырехликом Збручском идоле. Они изображают женские, в одном случае с младенцем, фигуры, коня с несколько смущающей исследователей кривой саблей над ним и особенно неожиданных атлантов в весьма сложных ракурсах⁸². Сомнение в принадлежности к славянским вызывают открытые В. Антоновичем на Подолии, близ Буши, наскальные рельефы с приемлемыми для историка изображениями птицы на дереве и оленя, но явно подозрительные по католически космопоклоненной фигуре молящегося и прямоугольному картушу⁸³.

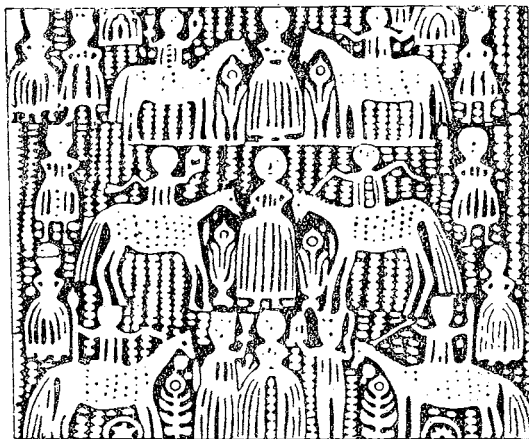

Рис. 30. Севернорусская набоечная доска (по Воронову).
Гос. Истор. музей

С большой убедительностью о применении в нашей дохристианской архитектуре скульптурных украшений говорят пережиточные народные формы вроде парных головок коней и цельных фигурок коней и птиц на крестьянских постройках⁸⁴, подобных резаным на ковшах, черпаках, прялках, рубелях и т. п. Из этой категории особо выразительна опубликованная В. Вороновым севернорусская набоечная деревянная доска плоского рельефа, изображающая, по мнению исследователя, культовые мотивы (рис. 30). Подобные доски либо оттиски их дошли до нас в небольшом числе: В. А. Городцов считал, что в них представлены сцены почитания великой богини. «В верхнем ярусе,— писал он относительно приводимой доски,— изображена великая богиня; справа и слева около нее представлено в удвоенном виде древо жизни; далее с обеих сторон сидят на конях два всадника, из которых правый имеет в руках, поднятых адоративно кверху, сосуд, очевидно, с причастием великой богине и, может быть, меч, как знак силы и власти; левый всадник поднял одну руку с раскрытою ладонью в знак адорации, а другую, также приподнятую, повидимому, держит повод коня», и т. д.

Правда, наряду с подобным толкованием изображенного на доске, может быть выдвинуто менее сложное, если считаться с возможностью последующего жанрового переосмысления и особенно чисто орнаментального по характеру повторения культовой сцены и отдельных фигур, давно уже утерявших свое начальное содержание. Но независимо от

⁸² И. И. Срезневский, Збручский иступан, Записки Археологич. об-ва, т. V. СПб., 1853; А. А. Захаров, The statue of Sbrucz, ESA, IX, p. 336 ss.

⁸³ В. Антонович, О скальных пещерах на берегу Днестра, Подольской губ. Труды VI Археологич. съезда, т. I, Одесса, 1886, стр. 99—100, табл. XII; М. Макаренко, Скульптура и різьярство, ст. 95.

⁸⁴ В. Стасов, Коньки на крестьянских крышах, Собр. соч., т. II, разд. 1, СПб., стр. 105—114.

этого, нельзя не признать, что в нашем деревянном рельефе, при его малых размерах отличающемся монументальностью многоярусного построения и отдельных фигур, в какой-то степени отразились большие настенные рельефы, которые по своему содержанию напоминают описанно западными хронографами.

Воздействие таких, несомненно, существовавших у восточных славян, рельефов, украшавших стены дохристианских храмов, сказывается в «прилепах» Дмитриевского собора во Владимире. На своеобразное исполнения последних и их неканоничность исследователи давно уже обратили внимание. «Дмитриевский собор,— верно заметил Н. Воронин,— единственный памятник, постройку которого епископский летописец обошел полным молчанием... Церковь относилась к скульптуре явно отрицательно. Тем большее осуждение должен был вызвать полудязыческий, полусказочный резной убор Дмитриевского собора»⁸⁵.

Такими в свете древних письменных источников археологии и пережиточных форм народной архитектуры и изобразительного искусства представляются нам древнейшие культовые сооружения восточных славян.

Можно полагать, что древнерусские требища со священными деревьями и столбами, капищами, жертвенниками, а в некоторых случаях с базиликоподобными и башенными храмами не уступали западнославянским языческим святыням. Древняя Русь ко времени христианизации несомненно обладала своими, сложившимися на почве языческого культового строительства архитектурными формами, которые не только устояли под напором пришлых церковных, но в свою очередь воздействовали на них, направляли их по стезе специфически русского развития, сказавшегося весьма рано.

«Ни в Византии, ни на Западе,— пишет Б. Д. Греков,— нельзя было встретить храма с 13 куполах. Это чисто русское явление, наследие деревянного зодчества, перенесенное на каменную постройку. Первая София в Новгороде была дубовая с тринадцати верхах. Киевская София, уже каменная, имела те же 13 куполов... Эта старая традиция жила в деревянном зодчестве очень долго и, между прочим, дошла до нас в деревянной 23-главой церкви Кижского погоста»⁸⁶.

Воздействие древних исконно русских форм достигло апогея в шатровом строительстве XVI—XVII вв., которое целиком подчинило камень идущей из глубин веков традиции деревянного зодчества. Так завершилась в древней Руси борьба двух начал, которую еще И. Е. Забелин, рассказывая о возобновлении в 1490 г., по настойчивым просьбам горожан, соборной великоустюжской церкви «по старине», понимал это как «борьбу между народной формой храма и его церковною формою»⁸⁷.

⁸⁵ Н. Воронин, Памятники Владимиро-Суздальского зодчества, стр. 63.

⁸⁶ Б. Д. Греков, Культура Киевской Руси, М.—Л., 1944, стр. 39—40.

⁸⁷ И. Е. Забелин, Русское искусство, Черты самобытности в древнерусском зодчестве, М., 1900, стр. 101—103.